

У Горького в Нижнем.

(Из воспоминаний).

С Горьким я познакомился заочно. С 1896 года, после появления моей статьи о Горьком в «Образовании», у нас завязалась оживленная дружеская переписка, но увиделись мы лишь осенью 1898 года, когда я приехал в Нижний, чтобы переговорить с Горьким о его постоянном сотрудничестве в «Жизни».

Первая встреча с Горьким была для меня большим событием. Я был так захвачен его интересною личностью, так увлечен беседою с ним, в которой мы со стремительной поспешностью передавали друг другу то, что наиболее интересовало каждого из нас, так безудержно радовались совпадению мыслей и чувств, что для объективного наблюдения не хватало восприятия.

Помню, что некрасивое его лицо, как будто вырубленное топором, с криво поставленным вздрагивающим носом, поразило меня необычайно быстрой сменой выражений. Оно хорошо играло, аккомпанируя его речи, пробоватой, но всегда оригинальной. Иногда оно освещалось улыбкой и становилось тогда простодушным, наивным, детским.

Говорил он густым басом, покрывая правой рукой рыжеватый ус. Руки у него были красивые, белые, с длинными пальцами. Ходил сгорбившись, слегка опустив голову.

Жена его, Екатерина Павловна, милостивая брюнетка, выглядела тогда гимназисткой старшего класса, хотя была уже матерью годовалого карапуза, отца похожего на своего отца. С карапузом больше возилась мать Екатерина Павловна, еще не старая, обстоятельная женщина. Сама Екате-

рина Павловна больше заботилась о «своем Акексе», как она называла Горького.

Простая и молчаливая, она внимательно следила своими ясными и зоркими глазами за игрой его лица, внимательно прислушивалась к каждому его слову.

Квартира у них была небольшая, провинциальная, но уютная. В одной из комнат висели клетки с птицами, которые пели и чирикали на разные лады. Вылетали из открытых клеток и садились на плечо к Горькому.

На следующий день после моего приезда, вечером собрались у Горького его нижегородские друзья и знакомые, большинство которых Горький считал людьми недоожившими. О всех отзывался мне с похвалой, но в каждую похвалу ввертывал меткое и колкое словечко, которое только и запоминалось, а похвала забывалась.

Про одного своего знакомого он наговорил много чрезвычайно жесткого, но в конце ввернул такое замечание: «Только вот зад у него очень самоодвольный».

И это было убийственно метко.

Беседа вечером была оживленная. Горький, помнится, говорил о Ницше, «Заратустру» которого ему переводил его знакомый студент Васильев. Ницше ему очень нравился и, читая мне то или другое место в переводе Васильева, Горький довольным тоном басил:

«Это, братец ты мой, здорово сказано!».

Мой план издания «Жизни» Горький принял с восторгом и дал слово вперед помещать все свои произведе-

ния исключительно в «Жизни».

Впоследствии отступление от этого сделано было только для «Журнала для всех» и то с моего согласия.

Расстались мы еще большими друзьями, чем встретились.

Весной 1899 года я снова приехал в Нижний к Горькому. Волга в этом году сильно разлилась, и мы с Горьким катались на лодке по улицам Нижегородской ярмарки. Странно было ездить по этому мертвому городу с длинными, неуклюжими, скучными зданьями, обвешанными разнообразными вывесками, на которых красовались мне неизвестные, а Горькому хорошо известные имена и фамилии именитого российского купечества.

Горький сначала рассказывал о ярмарочном разгуле, а потом разговор свернулся на нашу любимую тему, на литературу. Горький говорил, что необходимо добиться, чтобы Чехов писал только в «Жизни».

— Чехов, — говорил он, — это силаца и наш общий учитель. Он создал новый стиль и далеко шагнул вперед по сравнению с Тургеневым.

— Неужели ты ставишь Чехова выше Тургенева? — спросил я.

— А ты, что же, этого не понимаешь? Тургенева скоро читать перестанут, а Чехов еще весь впереди, его еще не раскусили.

Заговорили об отдельных рассказах Чехова. Горький, помню, восхищался рассказом Чехова «Володя большой и Володя маленький», а я считал его «пустяком». Теперь я думаю, что Горький был ближе к истинной оценке Чехова и Тургенева, чем я.

Того же весной мне пришлось присутствовать при встрече Горького со священником Г. С. Петровым, проповедями которого в то время увлекались в Петербурге даже многие неверующие.

При выборах в Первую государствен-

ную думу Петров вмешался в политику, занял левую позицию и вынужден был снять рясу. Проповедь он сменял на лекции и делался одним из самых популярных лекторов в России.

Но тогда он еще носил рясу, которая очень шла к нему. И хотя говорил уже очень либерально, но продолжал служить обедни, «превращать вино в вровь», «просфору в тело господне» и давать уроки детям великих князей.

Он проезжал через Нижний на «голод» в сопровождении одной из моих племянниц, молодой курсиетки, за которой слегка ухаживал, играя красивыми глазами и потряхивая черными кудрями.

Я жил у Горького. Ко мне пришла моя племянница и попросила меня узнать, не примет ли Горький Григория Спиридоновича, который очень высоко ценит его талант.

— Пусть приходит, — сказал Горький.

Встретились в столовой. Молча пожали друг другу руки. Петров — приветливо улыбаясь, Горький — почему-то хмурясь.

Петров уселся против Горького и, видимо, несколько растерялся под хмурым взглядом хозяина. Затем начал говорить о том, что ему уже давно хотелось познакомиться с Горьким, что он с огромным интересом прочел два тома его рассказов, и далее, в том же духе.

Горький молчал и, свертывая папироску, изредка бросал взгляды на священника.

Петров заговорил о голоде, о равнодушии власти к положению голодающих, о необходимости создания оппозиционного общественного мнения и далее, в том же духе.

Вдруг, Горький прервал Петрова и, глядя на него в упор, спросил своим глухим басом:

— А позвольте узнать, какого это ведомства на вас одет мундир?

Петров совсем смутился и тоном провинциальнейшего школьника тихо сказал:

— Я священник.

— Так-с! Почему же вы, будучи попом, не поповские речи говорите?

В ответ на это бедный Петров мог только nervно поиграть висевшим на черной рясе золотым наперсным крестом.

А с Горького хмурость сошла, сарказм исчез, лицо осветилось ласковой улыбкой, и он обортил смущенного гостя какой-то любезной фразой.

А через несколько часов он уже беседовал с ним почти как с другом.

Со священником Петровым Горький подружился, а вот с нижегородским архиереем не поладил.

Отыскал Горький в Нижнем какого-то татарина и решил, что из него может выйти большой певец, чуть ли не Шаляпин, и придумал провести его через певчие: певчих музыкальной грамоте обучают, да и в консерваторию легче попасть, чем прямо из грузчиков.

Уговорил татарина преститься и сам пошел к архиерею хлопотать, чтобы лишних проволочек не было. На беду, в разговоре с архиереем чертыхнулся. Архиерей обиделся:

— Прошу в моем присутствии так не выражаться!

— Простите, ваше преосвященство, это у меня, чорт возьми, такая уж привычка.

— Ну, так и оставайтесь с вашей привычкой и с вашим татаринством. Нам мнимых и поддельных верующих не нужно.

— Это, чорт побери, вы совершенно правы. У вас их и без того слишком достаточно.

Так-ничего и не вышло.